

ПОД ЗНАКОМ СОБСТВЕННОГО МНЕНИЯ: (XXVII ЕЖЕГОДНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА)

Три дня заседаний XXVII ежегодного собрания Российской ассоциации международного права пролетели быстро. Каково же общее впечатление?

А вот оно. В одном из новогодних опросов небезызвестный кинодив Эльдар Рязанов на вопрос: "Кто, по-вашему, может быть назван Человеком уходящего года? – без стыда и скромности спокойно ответил: "Я". Сдается, что любой из докладчиков ежегодного собрания на тот же вопрос ответил бы столь же лапидарно. Короче: "Я люблю не науку в себе, а себя в науке".

Альма матер

Вхожу в зал Дипломатической академии МИД РФ, где проходило собрание. Боже мой, как давно в нем не был!

Смотрю на стол президента. Ба! Неужели! Да, постарел, но все тот же стройный подтянутый вид: Сережа Романовский. Помнишь, Сережа, как вступали мы сюда пятьдесят лет назад? Ты был во фронтальной гимнастерке, так в ней и прозанимался все пять курсов института, как бравый офицер. А рядом – хромые, покалеченные, кое-кто забинтован... Мы, "школьники", смотрели на вас, фронтовиков, с какой-то почтительной опаской.

И вот теперь ты – Сергей Калистратович, ректор Дипломатической академии. Ты читаешь вступительную речь ежегодного собрания юристов-международников. Доносятся обрывки фраз: "Мы рады, что вы избрали Академию для проведения...", "Академия стала членом вашей Ассоциации...", "Ваши цели и задачи понятны...", "В Конституции отмечена приверженность России международным обязательствам..."

А я думаю о другом. Помнишь, Сережа, наш выпускной вечер? Он проходил в этом же зале. Стояли столы со скромными послевоенными яствами, но какой шикарный был "капустник"! "Играют волны, ветер свищет", а конференс ведет Кузьмищев (потом известный латиноамериканист, доктор наук, он недавно умер). "Сейчас перед вами выступит объединенный хор историко-международного и международно-правового факультетов, а также журналистской группы", – и Володя Кузьмищев элегантно задергивал занавес...

Раньше, до революции, здесь в бывшем Московском институте благородных девиц, зал служил молельней – домашней девичьей

церквушкой. Я сижу как раз у стены, где была сцена, эдакий альков-углубление. В те, наши времена тут располагался даже рояль.

Вот эти ностальгические нотки звучали не в одном выступлении. А Вадим Собакин, ныне один из крупнейших юристов-международников, заведующий международным отделом Конституционного суда, вспомнил, что он в этом зале еще и защищал кандидатскую диссертацию. Да, много-много воды утекло...

Директор Правового департамента МИД России Евгений Маратович Прохоров зачитывает послание министра А.В. Козырева. В письме много добрых слов в адрес Ассоциации: да, МИД заинтересован в том, чтобы наращивался высокий интеллектуальный потенциал дипломатов, а международное право всегда было подлинным ориентиром российской внешней политики.

А я думаю о тех ребятах, о тех своих сверстниках, которые в "сококовые роковые" первыми ступили на стезю международников и кто где, уже в мирное время, сложили свои головы во имя державы, своей и нашей общей державы.

Как бы переключаясь с этими мыслями, профессор И.И. Лукашук говорит уважительные слова в память о Григории Ивановиче Тункине, воистину великом юристе-международнике. Ему, классику международной юриспруденции, Ассоциация посвятила все свое очередное заседание. Игорь Иванович Лукашук сказал: "Одно из самых моих ценных приобретений, которое я оставляю в наследие своим внукам, – это полное собрание сочинений Григория Ивановича Тункина с его автографами".

Из крайности в крайность

Бьюсь об заклад, что составители программы XXVII ежегодного собрания внимательно прочитали отчет о XXV, опубликованный в нашем журнале. Напомним читателям, что тогда мы ставили в вину устройствам чрезмерное увлечение докладами на разные темы об отношениях внутри СНГ. И вот спустя два года на собрании этой же Ассоциации, когда действительно процесс распада СССР зашел далеко, когда практически новые государства стали членами ООН, когда процесс оформления СНГ породил множество документов, требующих научного анализа, когда уже о Минске открыто говорят как о столице СНГ, а правительство Беларуси выделяет землю под строительство комплекса зданий Содружества (чтобы появился в мире эдакий эсэнгевский Брюссель), вот в это время Исполком Российской ассоциации бросился в другую крайность: среди слов, обозначающих названия докладов, нельзя найти аббревиатуры "СНГ",

не планируется ни одного выступления, связанного с международно-правовыми процессами внутри бывшего СССР.

Нельзя же отнести к этой тематике круглый стол о новом российском законодательстве о международных коммерческих отношениях, включая иностранные инвестиции. Хотя, правда, и в докладах, и в выступлениях упоминались сравнения нынешнего российского законодательства с аналогичными нормами, существующими или возникшими сейчас в бывших союзных республиках.

Самое интересное и самое полезное

Самое интересное существует для удовлетворения собственного любопытства. Самое полезное служит юристу-международнику для пополнения своих знаний. И то и другое присутствовало на собрании.

Самой интересной была, пожалуй, историко-политико-международно-правовая новость. Оказывается, Владимир Вольфович Жириновский окончил экстерном с отличием юридический факультет Московского государственного университета по кафедре международного права и, таким образом, является юристом-международником. В семинаре по международному праву он писал работу по Сан-Францисской мирной конференции, а его диплом был посвящен международной защите прав человека. Оба руководителя этих работ бывшего студента – и профессор Е.А. Шibaева, и профессор Л.Н. Шестаков – находились в зале, где проходило собрание, а Л.Н. Шестаков, заведующий кафедрой международного права МГУ, даже выступил с небольшим докладом.

Самое полезное... Это уже, пожалуй, надо разбить по дням. В первый день – дискуссия о том, как развивается понятие правосубъектности в международном праве. Было время, когда одно упоминание о том, что индивид может быть субъектом международного права, приводило "чистых" юристов-международников в ужас. Профессор А.Л. Колодкин вспомнил, как десятка два лет назад в Ленинграде на защите докторской диссертации С.А. Малининым он, Колодкин, высказал "крамольную" мысль: индивид тоже может быть субъектом международного права. По случайному совпадению мне также довелось принимать участие в том заседании ученого совета на юридическом факультете ЛГУ (был командирован в Ленинград как представитель оппозирующей организации). Помню, как дебаты о возможности правосубъектности индивида перекочевали из зала ученого совета даже в банкетный зал.

И вот прошло сколько лет, а об этой "крамоле" говорят все больше и чаще на научных встречах. И сопротивляются этой мысли ее оппоненты как бы нехотя, гораздо спокойнее, чем ранее. Правда, профессор Н.А. Ушаков почему-то именно в этот момент встал и вышел из зала.

Во второй день собрания произошел прелюбопытнейший инцидент. Преподаватель Белорусского госуниверситета задал вопрос, обращаясь к президиуму, а там сидело человек пять: "Скажите, пожалуйста, как вы понимаете соглашение между Беларусью и Россией о создании единой рублевой зоны?"

Марк Моисеевич Богуславский, как координатор, парировал мгновенно: "Это как раз та тема, по поводу которой мы в ближайшее время собираем специальный семинар, где и будем ее обсуждать. Оставьте свой адрес. Мы вам обязательно пошлем приглашение".

Не приедет гость из Беларуси... По той простой причине, что не так-то легко выбраться даже по железной дороге из Минска в Москву. Накладно, особенно для обычного преподавателя университета. Потому-то он и захотел услышать сейчас, сразу же, оценку этого нового соглашения: что это – шаг назад или шаг вперед, к единению государств?

Случалось ли вам, читатель, в наши дни оказаться на площади Белорусского вокзала или перед Тишинским рынком? Именно туда поезда из Беларуси выбрасывают десятки тысяч мешочников. Там самые дешевые в Москве сметана, творог, колбаса. "Зайчик" задушил в объятиях белоруса. Поэтому и прошел "на ура" в Верховном Совете республики межгосударственный договор с Россией о создании единой рублевой зоны. А России он выгоден? Вот тут, как кажется, и зарыта собака. Кто-то видит в этом договоре толчок к новому витку инфляции, а кто-то его одобряет, осязая в нем и руку помощи соседней Беларуси, и способ борьбы с инфляцией. Неужели так и нельзя было ничего ответить молодому человеку?

Пользу из этого инцидента всякий уважающий себя ученый может извлечь лишь одну, а она стара как мир: не откладывая на завтра то, что можешь сказать сегодня. А если не можешь, то не надо обещать, не надо обнадёживать коллегу. Вон уже сколько времени прошло со дня начала разговоров о создании рублевой зоны с Беларусью. А воз чуть тронулся с места только в середине апреля 1994 года...

В третий день... Здесь можно быть предельно кратким: избрание А.А. Колодкина на пост президента Ассоциации. Ей, этой полуниценке в ряду многих общественных организаций, нужен именно такой страстный, с неумной энергией руководитель. И те, кто проголосовал за него, уверены, что он сделает ее достойной того почетного

места, которое она обязана занять в жизни. Тем более, что еще в первый день собрания сам президент, выступая в прениях по докладам, фактически изложил программу деятельности Ассоциации под знаком 50-летия ООН и текущего Десятилетия международного права.

Исчерпывается ли все самое полезное только этим? Вряд ли.

Жаль, что ежегодное собрание Ассоциации ни словом не обмолвилось о том ералаше, который существует в отношениях между новыми субъектами международного права, называемыми странами СНГ. А было бы полезно.

”Белый танец” правоведа

Ах, как хороши эти женщины! И как умны!

Итак, ”белый танец”. Дамы приглашают кавалеров. В данном случае – к диалогу.

Профессор Т.Н. Нешатаева говорила о любви. О своей искренней любви к науке международного права и к международным организациям.

И, между прочим, очень четко показала, какое огромное влияние оказывает практика международных отношений на развитие международного права. Рассмотрение международной правосубъектности международных организаций – это сизифов труд. Спорили, спорят и будут спорить, являются ли международные организации субъектами международного права. Вроде бы и нет. Но вместе с тем они влияют, да и сами участвуют в создании норм международного права. Еще по Бреттон-Вудским соглашениям о создании Международного банка реконструкции и развития (ныне Мирового банка) и Международного валютного фонда эти организации получили право на вмешательство во внутренние дела государств, был создан механизм контроля и служащие МБ и МВФ получили право оказывать влияние на дела государств-членов. Страны обязаны были представлять отчеты, а если что-то с точки зрения международной организации происходило не так, то ее служащие применяли санкции по отношению к государству. Когда установилась эта практика, национальные валютные системы ряда стран стали давать сбои. В ООН начали искать выходы из сложившейся практики. Методы управления государствами таким образом ушли из учредительных документов этих международных организаций, но они не ушли из практики. И в системе МБ и МВФ эти методы остались, хотя и в ”мягкой форме”. ”Мягкие” деньги, электронные деньги, требования к государству согласовывать свои действия в ряде внутренних актов с МБ и МВФ, то есть с их служащими, – все это и есть та ”мягкая форма”

вмешательства, о которой ни практика, ни наука не хотят говорить.

И моменты наднациональности в международных организациях имеют место. Особенно эффектно эти механизмы наднациональности выглядят в ЕС. В этой части докладчик сделала вывод: обычное ограничение суверенитета с помощью права будет получать дальнейшее развитие.

А затем проводилось исследование так называемого "мягкого" международного права – в основном резолюций международных организаций, которые изначально нацелены на создание новых норм международного права, но носят всего лишь рекомендательный характер и не имеют обязательной юридической силы. К таким резолюциям примыкают программы, кодексы и т.д. Они формулируются нарочито в мягкой форме, со ссылками на справедливость, добрую волю. Для членов международных организаций они не имеют обязательной силы, не являются императивом. Однако в доктрине они рассматриваются как будущее право. Правда, сложнее со странами "третьего мира": они не заинтересованы в принятии общих "мягких" норм, им удобнее такие нормы, которые соответствовали бы их мышлению, традициям.

Таким образом, формализации рекомендательных норм в международном публичном праве не произошло. Общее правило осталось: рекомендательное не может быть обязательным. Однако в жизни все не так: уже есть немало случаев, когда рекомендательная норма может вызвать санкцию. Поэтому то, что этот "мягкий" регулятор имеется в праве международных организаций, учитывать надо. Более того, его стоит иметь в виду, когда речь идет о международном публичном праве в целом.

Наконец, докладчица поделилась с аудиторией еще одним любопытным наблюдением: с 60-х годов происходит как бы выброс или отторжение международных организаций от национального права. По каждому вопросу создаются отдельные внутренние правила международной организации. Суды тоже рассматривают в качестве действующих правила самой международной организации, а национальную правовую систему не применяют. И получается так: поскольку данная международная организация является международным юридическим лицом, национальное право к ней нельзя применять.

Эта тенденция заставляет ученых искать новые подходы к праву международных организаций. На международное право надо смотреть не только с точки зрения конвенций, но и с точки зрения практики деятельности международных организаций.

Любопытным и примечательным после доклада был вопрос. Профессор **М.И. Лазарев** попросил дать политическую оценку явле-

нию надгосударственности в международных организациях. Последовал блестящий ответ: в ходе второй мировой войны становилось все более ясно, что после нее надо создавать единую систему регуляции в международных отношениях. Сталин этого не понял. Не понял этого и де Голль, но, когда Францию через год выгнали из Мирового банка, он попросился назад, потому что понял уже тогда: правовое регулирование финансовых отношений надо проводить из единого центра.

Другая дама, профессор Э.С. Кривчикова, докладывала о принудительных действиях ООН. Стремительность жизни такова, что впору уже докладывать о принудительных действиях НАТО от имени ООН, и бомбардировка Боснии тому пример. Но... разговор идет пока о принудительных действиях ООН. Пункт 2 статьи 4 Устава ООН объявляет всеобщее запрещение применения силы или угрозы силой. Остались только реторсии – недружественные правомерные меры в ответ на недружественные правомерные меры. Ввел Устав также понятие совместных принудительных действий, подразумевая при этом исключительную компетенцию Совета Безопасности для их применения. Принудительные действия имелись в виду невоенные и военные. Что касается невоенных действий, то Совет Безопасности либо сам их регулирует, либо создает какой-то орган, который их регулирует. А вот военные, предполагалось, будут в компетенции Военно-штабного комитета (ВШК). Этот ВШК так и остался мертворожденным музейным экспонатом. Идею о нем так и не удалось реализовать.

Нереализация модели ВШК, равно как и модели принудительных военных действий, имела несколько последствий. То, что было заложено в Уставе ООН, изменялось эволюционно. За период после 1945 года от имени ООН было проведено свыше 30 военных операций "по поддержанию мира". Операции проводились либо группами военных наблюдателей, либо силами по поддержанию мира.

В ходе проведения этих операций утвердилась такая практика: силы по поддержанию мира применяют силу, если на них совершено нападение. Их нельзя использовать против одной стороны в ущерб ей и на пользу другой стороне. Главное, что должны предпринять силы по поддержанию мира, – это прекращение огня сторонами в конфликте, проведение демаркационных линий и т.д.

Можно различить три этапа в развитии этих операций. Первый – с 1949 по 1989 год, когда все сводилось к созданию института военных наблюдателей. Они в основном контролировали прекращение сторонами огня. Этим контролем были охвачены конфликты внутреннего характера с международным значением.

Второй – постановка под контроль войск ООН отдельных стран полностью для проведения выборов и получения страной независи-

мости. Так было в Намибии и в Камбодже (в последней – особенно, поскольку там страной фактически в течение полутора лет управлял орган ООН). Такие институты международного права следует, по мнению докладчика, развивать.

Наконец, третий этап, который отражает изменение сил на международной арене. США, к примеру, в одностороннем порядке ввели в Сомали свою морскую пехоту, а Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали сделал этот ввод "операцией ООН". Так военные операции ООН эволюционируют в прямое вмешательство.

Справедливость такой точки зрения профессора Э.С. Кривчиковой подтверждает и дальнейший ход событий. Бомбардировка авиацией НАТО сербских позиций прикрывается резолюцией Совета Безопасности. А от имени НАТО это сделали опять прежде всего американские самолеты.

Складывается практика применения вооруженных сил под флагом ООН без правомерного решения Совета Безопасности. Так было в Южной Корее, когда Совет Безопасности принимал решение в отсутствие постоянного члена – СССР. Так было и в случае с Ираком, когда Совет Безопасности предоставил США мандат действовать так, как они сами того хотят. Так получилось и с Сербией в апреле 1994 года, когда американская авиация от имени НАТО и под предлогом разрешения ООН бомбила сербские позиции под Гарадже без уведомления России и согласия ее на то.

Возможно ли, чтобы международная организация, получив полномочия в военной области, передавала эти полномочия другому государству или группе государств? Большинство юристов считают, что это невозможно и неправомечно. Но, тем не менее, именно таким образом ведется целенаправленное наступление на разрыв и на подрыв такой организации, как ООН.

Итак, в рамках коллективной самообороны выступает НАТО, хотя эта организация неправомочна действовать в Югославии, не имеющей отношения к Атлантическому договору. Никакая эпизодическая практика, которая не соответствует договору, не может изменить сам договор.

Что же делать в этих условиях? Ответ прост. Выполнять уставы и ООН, и НАТО, если учредители создавали последнюю организацию действительно как оборонительную. Удар по Югославии никак нельзя причислить к оборонительным операциям.

Доклад вызвал немало вопросов и оживленную дискуссию. Среди вопросов был и от профессора В.С. Семенова (Харьков): существует ли положение о запрете сопредельным государствам участвовать в операциях по поддержанию мира? Ответила профессор подробно: еще Д. Хаммаршельд ввел положение, согласно которому заинтере-

ресованные страны и постоянные члены Совета Безопасности не участвовали в таких операциях. Однако с течением времени от этого правила отошли. Сейчас среди войск ООН имеются и американские, и английские, и французские, и российские контингенты. Что же касается сопредельных стран, то такого правила – запрета на их участие – никто никогда не вводил.

“Кавалеры” приняли приглашение на “белый танец”. Профессор **А.А. Ковалев** не согласился с утверждениями о наднациональности экономических международных организаций системы ООН. Ему вторил **С.А. Малинин** (Санкт-Петербург), заявив, что надо говорить не о надгосударственности, а просто о властных полномочиях международных организаций, которые добровольно переданы государствами этим организациям, и это – проявление суверенитета, а вовсе не ограничение суверенитета государств-членов.

Два замечания сделал профессор **Н.А. Ушаков**. Первое: нельзя смешивать два рода резолюций международных организаций. Одни относятся к собственной деятельности, что и создает право международных организаций; другие – рекомендации для государств в отношениях друг с другом. Второе: принятие решения международной организацией – это не признак наднациональности, а условие деятельности международной организации. Наднациональность проявляется тогда, когда международная организация вступает в отношения с третьими странами. Таким признаком обладает Европейский союз, получивший от государств-членов часть их правомочий.

Всегда на первом плане

Это, конечно, права человека. О них шла речь в толковом, нужном докладе профессора **В.А. Карташкина**. Тем более, что до Устава ООН не было основополагающего международно-правового документа, в котором бы четко определялись права человека. В том заслуга создателей Устава ООН, что он был первым таким договором, где в 3-й и 55-й статьях ясно говорилось об этих правах.

Всеобщая декларация прав человека, принятая в ООН, стала моделью, в соответствии с которой и должны вести себя государства. В докладе ООН, посвященном этой декларации, говорилось, что эта модель юридически обязательна для всех. Однако Китай, Куба, ЮАР не ратифицировали ни один из пактов о правах человека. Появление документа “О международной правосубъектности индивида” разрешило человеку жаловаться в ЭКОСОС, в ООН, подняло авторитет этой международной организации.

Однако за 50 лет в ООН возникли противоречия, которые уменьшают эффективность этой организации. Появились требования струк-

турных изменений органов ООН и обновления деятельности ряда конвенционных институций. Действительно, Третий комитет, ЭКОСОС, Комиссия по правам человека во многом дублируют друг друга и не в состоянии реагировать на то, что и как надо делать.

Много лет дискутировался вопрос о создании поста Верховного комиссара по правам человека, а назначение состоялось только в день, когда делался этот доклад (т.е. 2 февраля 1994 г.). Этот Верховный комиссар – заместитель Генерального секретаря ООН и одновременно руководитель Центра по правам человека – отчитывается перед ЭКОСОС и может быстро реагировать на ситуацию.

Продолжается работа по созданию Международного уголовного суда (МУС). Его статут уже разработан в ООН и, вероятно, в этом году будет принят. Правда, от принятия какого-либо международного документа в области прав человека до исполнения этого документа – дистанция огромного размера. К примеру, СССР и другие социалистические страны даже ратифицировали пакты о правах человека, но не выполняли их. Другие государства ратифицировали, но с оговорками. Третьи, и здесь лидер – США, объявляют в открытую, что разрабатываемые нормы МУС “несамоисполнительны”, то есть они не могут исполняться до тех пор, пока не будут трансформированы в национальные нормы.

Юристы бывшего Советского Союза, а ныне это относится и к наиболее прозорливым юристам России, отвергают теорию “гуманитарной интервенции”. Под предлогом защиты прав и свобод человека США преследуют свои собственные корыстные цели. Так было во Вьетнаме, на Гренаде, в Ираке и во многих других местах. Так оно происходит и на территории бывшего СССР. Теперь вмешательство во внутренние дела другого государства оправдывается ссылками на пункт 4 статьи 2 Устава ООН, где говорится о действиях, “каким-либо образом несовместимых с целями ООН”.

Если 25 лет назад не было ни одного органа, который бы рассматривал проблемы прав человека, то теперь на международном уровне таких органов восемь. В ООН, таким образом, создалась тупиковая ситуация по этой проблематике: все принимаемые меры могут что-то улучшить, но коренным образом что-либо изменить они не могут. Требуется новый билль о правах человека – билль, который открыл бы путь в XXI век.

Поэтому и формулировки в нынешних ооновских документах по этим вопросам страдают расплывчатостью. Многие государства не готовы брать на себя новые обязательства. Поэтому первый шаг должны сделать ученые. Это касается и статута Международного Суда, и статута МУС, и положения о Верховном комиссариате по правам человека.

А потом были ответы на вопросы и прения. На вопрос с ехидцей, где и когда записано, что индивид является субъектом международного права, последовал ответ с вопросом: "А что такое субъект международного права?" И тут же – разъяснение: носитель прав и обязанностей. Индивид имеет все права и обязанности, за исключением права создавать нормы международного права. Это – единственное отличие. И так, правоспособность у индивида и государства разная, однако международное право содержит достаточно норм, чтобы индивид обладал правами и нес ответственность.

Вставил свое слово и какой-то студент: "Что Вы имеете в виду, когда предлагаете новый международный документ – билль о правах?" И профессор ответил, что он против дублирования одних и тех же положений в разных документах; он за то, чтобы Комитет по правам человека заседал постоянно. Экономились бы финансы на этом. С.Г. Бахтин из Санкт-Петербурга хотел узнать, а не получится ли так, что этот билль никто не подпишет. В.А. Карташкин сохранил достоинство и спокойно сослался на аналогию: в 1973 году была разработана Конвенция против апартеида. Тогда ее ратифицировали всего три государства, а сейчас к ней присоединились уже свыше половины членов ООН.

В прениях выступали в основном профессора. С.А. Малинин (Санкт-Петербург) доказывал, что индивидуум не может быть субъектом международного права, поскольку он не в состоянии обеспечивать соблюдения норм этого права, а "общепризнанные нормы" – это "юридическая глупость". Беру в кавычки, потому что цитирую. В.С. Верещетин (Москва) высказал ряд сомнений: вряд ли МУС будет создан в ближайшее время, ибо США и Англия пока против; вряд ли Россия вступит на американский путь защиты прав ее граждан с помощью репрессалий, так как даже наша теория не дает четкого ответа, что или кого считать субъектом международного права; вряд ли необходим новый билль о правах человека, ибо надо считаться с человечеством, которое идет по пути специальных разработок, а не возврата к суммированию уже известных общих. М.И. Лазарев (Москва) с присущей ему образностью и метафоричностью убеждал, что все на земле делается во имя человека. А само человечество испытывает колебания маятника, и процессы эти вечны. Сейчас международное право – это трехслойный пирог: сначала государства, затем международные организации, а внизу – смесь государств с международными организациями. Что касается личности, то она – бенефициарий, то есть пользователь благ, прав. С этих позиций она – субъект международного права, но особого рода. С.Г. Бахтин (Санкт-Петербург) высказался за признание разного уровня субъектов международного права, где найдется место и индивидам. Л.Н. Шестаков

(Москва) объявил о своей уверенности в том, что большинство мусульманских государств не могли бы присоединиться к универсальному биллю о правах человека. В мусульманском мире на особом положении и женщина, и ряд малых народов. Потому-то и Декларацию прав человека у мусульман считают продуктом европейской цивилизации. Для африканца идти в европейский суд – позор, потому что он привык все решать на уровне племени. Поэтому в решении проблем защиты прав человека лучше всего использовать сотрудничество на региональном уровне. Субъект ли индивид в международном праве? Здесь Л.Н. Шестаков разделяет точку зрения С.А. Малинина и осторожно заявляет, что мы стоим лишь у входной двери, за которой путь процесса развития этого взгляда, а войдут в эту дверь наши далекие потомки.

В заключительном слове **В.А. Карташкин** весьма удачно отбил упреки ряда оппонентов. Смысл всей его филиппики состоял в том, что нельзя опережать историю, но и нельзя тянуть ее назад. Да, многие развивающиеся государства утверждают, что им не нужно “западное международное право”. Но Иран, например, ратифицировал Пакт о правах человека, хотя в Коране утверждаются совсем иные права: допустим, забивать камнями женщину. Если есть коллизия норм, то иранцы считают, что надо применять нормы Корана. Что касается нового билля о правах человека, то о необходимости его разработки все чаще пишут в разных странах мира, в том числе и в материалах ООН, и на уровне элиты правоведов мира.

Прорва пробелов

Во второй день собрания состоялся “круглый стол” по теме “Новое российское законодательство о международных коммерческих отношениях, включая иностранные инвестиции”. Его организаторы-координаторы **М.М. Богуславский** и **С.Н. Лебедев** “попытались”, по их словам, пригласить специалистов выступить “по магистральным направлениям” этой темы. “Попытка” удалась, но самым модным в выступлениях оказалось слово “пробел”.

Началось с проекта закона об иностранных инвестициях. **Н.Г. Семилютина**, один из авторов проекта (второй – ее мама), убеждала аудиторию в том, что такой закон нужен, но он был пока отвергнут. Почему? Кем? Из доклада непонятно. Вероятно, либо общество не готово воспринять такой текст, либо юристы не поняли требований законодателя и жизни. Хотя, стоя на подиуме и жалуясь на судьбу, автор производила впечатление грамотного специалиста.

Да, подавляющая часть проекта закона относится к предприятиям с иностранным капиталом. Да, он отвечает на такие вопросы, как

”кто является инвестором” и ”что такое иностранная инвестиция”. Да, такие предприятия, с одной стороны, учреждаются государством, а с другой – все же являются коммерческими организациями. Да, в действующем законодательстве ничего не сказано о том, кто осуществляет патронат над иностранными инвестициями, и лишь подразумевается государство; ничего нет и о таких формах привлечения этих инвестиций, как договорные предприятия, или, как их еще называют, концессии; ничего нет и о предоставлении целевых займов, являющихся одной из форм долгосрочного инвестирования; ничего нет и о такой форме, как приобретение ценных бумаг... Пробелы, белые пятна, пробелы, белые пятна... Но где же выход? Как сделать так, чтобы ликвидировать эти пятна? Ждем ответа – не дают ответа.

А говорит докладчица о другом: по новой Конституции территориальные образования могут иметь свое законодательство по многим вопросам. Так, Якутия (Саха) приняла закон об иностранных инвестициях. И сразу проблема: разграничение ответственности. Кто будет отвечать в случае обращения в Международный центр инвестиционных споров – территория или МВЭС? А вывод странный донельзя: новое вино нельзя вливать в новые мехи – они все равно лопнут.

На трибуне профессор С.А. Сосна (ИГПАН). Говорил экспромтом. ”Говорить экспромтом” получилось. В основном о проблеме. В центре внимания стоял закон о концессионных договорах с иностранным участием. 21 июня 1993 г. Верховный Совет России его принял, однако президент не подписал. Впоследствии проект договора был переработан профессором, однако, по словам автора, новый от старого ”значительно отличаться не будет”. Попутно слушатели узнали, что имеются три признака концессионного договора: стороной в договоре выступает государство, по договору используются и эксплуатируются объекты государственной собственности, аренда госсобственности рассчитана обычно на десятки лет. Имеются также три формы концессионного договора: классического типа, когда государство получает лишь финансовую отдачу; договор о разделе продукции; наконец, сервисное соглашение с риском или без риска. Хотя концессионный договор по своей сути публично-правовой, автор закона старался максимально приблизить его к договору, регулирующему частным правом. Поэтому допускается привлечение государства в суд или арбитраж, поэтому появляется стабилизационная оговорка, по которой условия договора не подлежат изменению.

Консультант Минтопэнерго России М.А. Махина обитает в том законодательном пространстве, которое касается недр. Она рассказала о проблемах этого пространства. Уходят от разработчиков проекты законов, и в Государственно-правовом управлении они ”обрабатываются” так, что их никто не может узнать.

Вроде бы вопрос о праве собственности на недра решен: они государственные. Однако отсутствует механизм разграничения компетенции, и это ставит в тупик инвестора: к кому обращаться при решении какого вопроса – в федеральные или территориальные органы? Например, лицензия, то есть специальное разрешение, удостоверяющее право пользования землей. До сих пор нет ни одного крупного контракта на пользование землей иностранными инвесторами. И все по одной причине: для иностранца административный акт опасен, его просто можно изменить, инвестору нужен закон, по которому можно было бы обращаться в одну инстанцию. Он не хочет бесчисленных согласований и хождений по множеству инстанций.

У нас существует закон о недрах. На Западе нет понятия "недра", его даже трудно перевести на английский, есть три перевода. Всех интересуют "полезные ископаемые", а не абстрактные "недра". Законодатели с упорством, достойным лучшего применения, протестуют против разработки конкретного закона о нефти и газе, который существует во всех цивилизованных странах. Вот и получается, что так называемый общий закон о недрах, принятый в 1992 году, не помогает развитию иностранных инвестиций. Нужен закон об иностранных инвестициях, где предусматривались бы их основные формы: концессия со всеми правами собственности; подрядный договор, по которому у национального собственника оставались бы права собственности; наконец, соглашение о совместной деятельности без создания юридического лица. На Западе и, в частности, в США все четко: договор о пользовании полезными ископаемыми может подписать и штат, а вот поступление валюты, ее поток контролирует государство, точнее – федеральные власти.

Перед выступлением доцента Львовского университета **В.М. Коссака** председательствующий **С.Н. Лебедев** с определенной иронией объявил, что дает слово "гостю из-за рубежа". А тот, в свою очередь, заявил, что, дескать, не собирается вмешиваться в дела суверенного российского государства. И рассказал о том, как в течение года на Украине просуществовал закон об иностранных инвестициях, потому что всего-навсего служил ширмой для создания совместных предприятий, которые уклонялись от уплаты налогов.

Как и другие ораторы, профессор **М.М. Богуславский** говорил о неблагоприятии в этой сфере хозяйственной деятельности: неустойчивость законов в области иностранных инвестиций конкурирует разве что с неустойчивостью в области уголовного права. В России обстановка особенно тяжелая, поскольку в новых хозяйственных отношениях все еще действуют старые законы. Правда, намечается новая линия, она прослеживается в новых указах: не может быть в государстве такой ситуации, когда вопросы иностранных инвести-

ций решались бы не на федеральном уровне, и никакой местный совет не может ничего требовать от иностранных инвесторов.

И в вопросах, и в дискуссии тоже ощущалась озабоченность тем, что мы в сфере иностранных инвестиций живем в обстановке правового вакуума. Только Украина, это ясно обозначил в своем выступлении профессор Киевского университета А.С. Довгерт, сделала шаг вперед, но тут же остановилась и попятилась. Как, впрочем, и по ряду других проблем в области законодательства. Топчется на месте Рада по закону об экономических зонах: вмешалась высокая политика. Зон таких нет и не предвидится, потому что "самостийники" боятся усиления раскола в обществе и в стране. Не прошел и Закон о международном частном праве, который в парламенте носит наименование "Закон о конфликте законов".

Главный специалист Главного ДПУ МВЭС М.А. Ермаков доказывал необходимость принятия закона о внешнеэкономической деятельности, который бы носил кодификационный комплексный характер. У нас пятнадцать ведомств занимаются внешнеэкономическими связями, и надо бы упорядочить их деятельность. Однако несмотря на то, что этот закон разрабатывается в течение нескольких десятилетий, его проект и ныне проходит согласование с превеликим трудом.

Профессор М.Г. Розенберг (Академия внешней торговли) сидел на своем любимом "коньке" – международном договоре купли-продажи. И снова пробелы, пробелы, пробелы... Имеется международная конвенция, но она не действует по ряду договоров, проблем, товаров, зачастую носит диспозитивный характер, да и в ней самой решены не все вопросы (в частности, наследства, неосновательного обогащения и др.). Распад СССР породил множество проблем и в области купли-продажи. Так, в марте 1992 года был подписан документ об условиях поставок в рамках СНГ, однако самого урегулирования до сих пор нет и его участники не знают, что же применять на практике – положения конвенции или внутреннее право стран-участниц.

Правовые нормы, и особенно нормы о гарантиях в договорах купли-продажи, значительно ускоряют товарооборот и платежи, поднимают значение юридического оформления сделки – таковой была основная мысль у заместителя начальника ГДПУ МВЭС В.А. Кувшинова. Он разложил по полочкам виды гарантий договора купли-продажи: абстрактные, банковские, тендерные, по исполнению обязательств.

На трибуне Виктор Петрович Звекон*, заместитель заведующего юридическим отделом аппарата правительства России. Он остановил

---

* Маленькое отступление. По сообщению профессора С.Н. Лебедева, я, как автор отчета в нашем журнале о прошлогоднем собрании Ассоциации, допустил ошибку в написании фамилии Звекон, а деликатный человек, став "Зверевым", пожаловался только Сергею Николаевичу. Приношу свои извинения Виктору Петровичу Звекону.

ся на процессуальных вопросах, возникших в связи с решением споров, в которых участвуют хозяйствующие субъекты стран СНГ. Граждане и юридические лица Содружества после распада СССР оказались менее защищенными с правовой точки зрения, чем их аналоги в других странах. Нужны в новых условиях либо какой-то общий гражданский кодекс, либо выработка единых подходов в создаваемых таких кодексах в разных странах. Стало необходимым как определение международной подсудности в рамках СНГ, так и обеспечение субъектам хозяйственного права равных возможностей в доступе к правосудию. Выступавший говорил о новациях в арбитражно-процессуальном законодательстве и обратил особое внимание на разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, который рекомендовал сосредоточить разбирательство всех споров в рамках СНГ в арбитражных судах Российской Федерации. Уже заключены договоры о правовой помощи с государствами Балтии, Киргизией, Молдовой.

И как бы развивая мысль об арбитраже, профессор **С.Н. Лебедев** (МГИМО) посвятил свое выступление закону Российской Федерации о международном коммерческом арбитраже.

А последним выступал профессор **И.С. Зыкин** (ИГПАН). Свежестью в его подходе повеяло, потому что он вдруг поставил вопрос о качестве законов. В многослойный пирог нашего гражданского законодательства, бывает, врываются положения, чуждые в общем-то континентальной системе права. Возьмите хотя бы указ президента "О доверительной собственности" от 24 декабря 1993 г. "Что хорошего дает такое прямое заимствование из англосаксонской системы права?" – вопрошал ученый. Указ предназначен для частного случая, и почему его нельзя урегулировать в обязательственном праве? Вот и получается, что отрыв практики от науки увеличивается. А это снова минус для работы с иностранными инвесторами.

Любопытный вопрос после этого выступления задал преподаватель из Минска **П.К. Знавец** (Белорусский ГУ): "Как можно сделать Верховный Совет более профессиональным?" И получил не менее любопытный ответ: "Это не по нашей части".

Подводя итоги "круглого стола", **М.М. Богуславский** подчеркнул, что в ходе дискуссии выявился ряд проблем, в частности в области регулирования внешнеэкономической деятельности и в рассмотрении споров, число которых возрастает и будет возрастать. Закон о международном коммерческом арбитраже – прорыв в этой области, но он не снимает всех проблем. Непонимание остается, что приводит иногда к анекдотическим последствиям. Например, одна из стран СНГ послала представителей Госарбитража на международную встречу по коммерческому арбитражу. Сплошной сумбур, когда речь идет о спорах в сфере управления: как и в каком порядке рос-

сийское совместное предприятие может оспорить тот или иной административный акт? Куда ему обращаться – в суд или в арбитраж? Сам профессор считает, что все споры такого рода должны рассматриваться только в арбитраже.

Песнь Конституции

И еще один "круглый стол" "Новая Конституция России и международное право". В президиуме те, кто варил варено ее норм в горниле согласований, те, кто пробивал ее через референдум, те, кто и ныне защищает ее принципы от нападков мощной оппозиции. Конечно, они рассматривают Основной Закон с точки зрения его действия в современных условиях и хвалят его, нахваливают, правда допуская оговорки и замечания.

Сначала были предварительные, как бы вступительные слова, замечания. По мнению профессора **В.В. Пустогарова** (ИГПАН), в Конституции все-все неплохо. И много отсылок к международному праву, и много новых статей, которые важны и для международного права, и для самой Конституции. Затем началось выявление ущерба нового Основного Закона. Профессор **И.И. Лукашук**, например, объявил, что существенный недостаток этого главного документа страны он видит в том, что там нет главы о внешней политике. А когда он на Конституционном совещании заявил о том, что такую главу надо включить, то ему ответили: "Раз в Конституции США такой главы нет, то и нам такой не надо".

Заведующий сектором ГПУ администрации президента **Б.И. Осминин** рассмотрел вопросы регламентации, заключения и денонсации международных договоров по новой Конституции и подчеркнул четыре особенности: положения международного договора становятся составной частью правовой системы страны; важное значение официального опубликования; примат международной нормы по отношению к национальной; юридическая сила норм международного договора заставляет в случае необходимости преобразовывать национальные нормы. Неожиданно острой сейчас стала проблема применения международного договора до его вступления в силу (речь идет о советско-американском договоре относительно разграничения в Беринговом море, когда к США по нему должны отойти значительные площади континентального шельфа, и американцы уже стали всю использовать природные богатства и ресурсы в этом регионе, хотя сам договор в России пока еще не ратифицирован).

Снова выступал **В.В. Пустогаров**. На этот раз речь шла о трудностях, созданных Конституцией. Субъекты Федерации стали проявлять

завидную международную активность. Якутия-Саха даже собирается открыть свое представительство в Японии. По Конституции центр занимается координацией внешних связей с зарубежными странами. Однако на деле никакого координирующего органа нет. Если не считать того, что в МИД наконец появилось подразделение, которое этим пытается заниматься. Компетенцию субъектов Федерации во внешних связях трудно вычленишь по Конституции. Естественным было бы внесение изменений в нее, но в настоящее время по политическим соображениям это невозможно. Поэтому выход – в принятии закона о внешних связях. Он помог бы сдвинуть этот вопрос с мертвой точки.

В.К. Собакин говорил о том, что ему всего ближе, – о Конституционном суде. Сердцевина его выступления – компетенция Конституционного суда в области рассмотрения международных актов государства. Оказывается, отныне Конституционный суд может рассматривать только те договоры, которые еще не вступили в силу. И если судом такой договор будет признан неконституционным, то государство обязано либо изменить в установленном порядке сам договор, либо изменить Конституцию. Так было, кстати говоря, во Франции с Маастрихтским соглашением. Такое пока трудно представить у нас.

Конституционный суд у нас с момента создания в силу своей специфики постоянно привлекает внимание общественности. Поэтому и выступление В.К. Собакина вызвало ряд вопросов. Один из них задал профессор **В.С. Верещетин**: "Какие новеллы в Законе о Конституционном суде?" Из ответа мы узнали, что, во-первых, в суде теперь создаются две палаты: в одной девять, в другой десять человек; во-вторых, принята концепция "молчаливого судьи" (никто из судей не имеет права публично комментировать происходящее в суде); в-третьих, особое мнение судья может высказать только вместе с решением по делу; в-четвертых, принят предельный возраст для судей – 70 лет.

Страстно, эмоционально, пылко говорила профессор **С.В. Полянина** (ИГПАН). Говорила о том, что международное право не стало частью национальной правовой системы, несмотря на принятие Конституции; что мы боремся с неправовыми ведомственными "законами", но Конституция не дает нам права бороться с неправовыми международными межведомственными соглашениями, так как это – пробел; что происходит смена формации и новые власти России считают, что для них никакие законы не писаны. Отсутствует в стране уважение к законам и международно-правовым актам. Провозглашено равноправие полов, например, а Первый ваучерный фонд к конкурсу на должности бухгалтеров и референтов допускает только мужчин.

Хвалил Конституцию член-корреспондент РАН **Г.Б. Старушенко**. По его словам, Конституция идет дальше Федеративного договора, а на ее основе надобно принять лишь ряд законов, в частности закон о национальной культурной автономии. Его конкретные предложения – использовать 50-летие ООН и Десятилетие международного права для пропаганды нашей науки, а также создать научные группы, в которых имеется потребность, для разработки актуальных проблем международного права и, в частности, по разработке принципов в отношениях между членами СНГ.

Е.М. Прохоров назвал формулу Конституционного суда о разграничении компетенции субъектов Федерации и центра по вопросу о международных связях элегантно. Она может войти в закон о компетенции. Смысл такого закона состоит в том, чтобы разрешить субъектам Федерации создавать свои представительства на правах юридических лиц, узаконить трансграничные связи и соглашения. При этом присутствует элемент согласования: субъект Федерации сообщает о своих действиях в МИД России, отсутствие ответа означает согласование вопроса. Что касается международных соглашений, то они через два месяца после заключения при отсутствии возражений со стороны МИД РФ автоматически вступают в силу. Президент вправе приостановить действие таких соглашений, но и то только в случае, если они противоречат нормам международного права.

Заключала список выступавших по проблемам Конституции представительница Оренбургского филиала Московской государственной юридической академии **Н.В. Афоничкина**. Она констатировала, что государственно-правовая реальность стала вехой развития правовой реальности. По-прежнему существуют две системы права – внутренняя и международно-правовая, они взаимодействуют в единой правовой материи, переходят друг в друга. Международный договор может стать толчком для обновления внутреннего права, равно как и государственный акт влияет на создание международно-правового. И все же того, что вызывает недоумение, немало. Так, в новом Уголовном кодексе нет статьи, запрещающей пытки, а по международному праву они поставлены вне закона уже давно. В то же время наш суд не станет применять норм международного права.

Одной из стадий правового регулирования становится новый подход к трансформации норм международного права во внутригосударственное. Свежий взгляд на международные договоры позволяет делить их на самоисполнимые и несамоисполнимые. Развитие доктрины продолжается, и это правильно. Однако многие наши руководители не хотят считаться с юридическими нормами (например, **В. Шумейко** заявляет, что если Государственная Дума не может выполнять свои функции, то ее функции возьмет на себя Совет Федерации).

И женщина бросила горький упрек в адрес государственных мужей: "Вы в статье первой новой Конституции назвали Россию правовым государством? Так извольте и действовать так, как подобает действовать в правовом государстве".

А то, что наш правоприменитель не готов применять нормы международного права, можно показать на многих примерах. По международному праву существует уведомительный порядок проведения демонстраций и митингов, у нас — разрешительный; весь зарубежный цивилизованный мир строго придерживается принципа состязательности на процессе, у нас — адвокат может выступать сколько ему угодно, судья все равно будет руководствоваться формальными нормативными документами, а суд присяжных только-только начинает пробивать себе дорогу. И т.д.

На все это В.С. Верещетин заметил, что нельзя ставить под сомнение примат международного права, а А.Л. Колоджин сказал, что в четвертом издании своего труда известный английский юрист Броунли все-таки зачислил нашу страну в число тех, где примат международного права существует.

Заглянем в грядущее

Немало говорилось о будущем Ассоциации. Если все будет претворено в жизнь, то она предстанет перед своими членами помолодевшей, похорошевшей и, главное, более дееспособной.

Предлагалось: часть уважаемых членов Исполкома перевести в почетные члены, а сам этот орган в значительной степени омолодить; создать исполнительный Секретариат Ассоциации; ввести премии имени Г.И. Тункина для тех, чьи международно-правовые разработки наиболее активно претворяются в нормы внутреннего законодательства; чаще проводить научные симпозиумы-семинары для обмена мнениями по насущным проблемам международного права и т.д.

* * *

Уважаемый и проницательный читатель, конечно, вовсе не наивен, чтобы полагать, что этот отчет был написан одним духом, в один присест. Прошло немало недель, прежде чем была поставлена последняя точка. Произошло много событий в области международных отношений. Появилось немало новых нормативных документов в области международного права. Вслед за ликвидацией Варшавского Договора и социалистического содружества, за развалом Совет-

ского Союза, Югославии и объединением Германии Соединенные Штаты объявили о своей программе "Партнерство во имя мира". И под все эти действия старательно подводилась международно-правовая база.

Уже произошли серьезные изменения геополитического характера. Россия скатывается по замыслу США к положению второразрядной державы и окружается буферными государствами Балтии и Закавказья, а также странами-противовесами в виде Украины, Казахстана, среднеазиатских республик.

Все это требует осмысления ученых-международников. Все это требует выработки новой международно-правовой доктрины "выживания" России как великой державы в этом насыщенном бурными событиями мире.

Очевидно, в этих условиях лидеры страны обязаны нацелить политиков и юристов-международников, ученых-политологов и ученых-экономистов на разработку серьезной контрпрограммы, ставящей задачу выхода России из изоляции, из серьезного международно-правового кризиса и восстановления ее позиций как подлинно великой державы на международной арене.

Так что же плохого в том, что на собрании так часто звучало слово "я"? А ничего. Это даже хорошо. Ученые высказывали свое мнение без ссылок на авторитеты, на ушедших в мир иной классиков.

Жизнь требует иных подходов. И чем громче будет звучать собственное "я" ученого, тем лучше.

Закончим повествование фразой римских консулов, уходящих на покой, той самой, которую так любил повторять Григорий Иванович Тункин, чьей памяти и посвящено это ежегодное собрание Ассоциации: "Сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше".

В. ПАРХИТЬКО,
кандидат юридических наук